

Лишь в неизменном — бесконечность,
Лишь в постоянном — глубина...

Зинаида Гиппиус

• 1 •

«13 апреля жена московского полицмейстера П. А. Золотарева неудачно вскочила на подножку площадки вагона трамвая в тот самый момент, когда стоящий трамвай тронулся. Потеряв равновесие, г-жа Золотарева не смогла устоять на ногах и упала на мостовую. По свидетельству доктора Гранина, г-жа Золотарева получила неопасные для здоровья ушибы и легкое сотрясение мозга».

* * *

«В доме Лодиной, по Малой Грузинской улице, в квартире отставного ротмистра Ветлугина обнаружено производство фальшивых гирь и аршинов. Владел и руководил производством сам квартировладелец. Фальшивые гири и аршины пользовались спросом и сбывались не только в Москве, но и в других городах России».

*Газета «Московские вести»,
14 апреля 1910 года¹*

¹ Все даты даны по старому стилю (юлианский календарь).

В семнадцать лет невозможно поверить в то, что тебя хотят убить. До тех пор, пока твоя подруга не упадет к твоим ногам, обрызгав тебя кровью.

Пуля попала Машеньке в шею и, видимо, пробила артерию, потому что кровь вытекала пульсирующим фонтанчиком. Машенька страшно хрипела и не менее страшно извивалась. Совсем как змея. Зауженное по последней моде платье усиливало сходство. Атлас блестел и серебрился под солнцем подобно змеиной коже.

Серебряная змея быстро краснела. Платье напITYвалось кровью. Подмятая под голову шляпка, раскрытый кружевной зонтик, задорно валявшийся вверх ручкой, крошечный ридикуль с причудливо-завитушечной монограммой «МП»... Такое величественное действо, как смерть, пусть даже и внезапная, невысказанно без декораций.

Змей Вера не боялась, наверное, потому, что, кроме ужей, никаких других гадов не видела. А ужа чего бояться? Он сам тебя боится, поскорее уползти норовит. И красивый — гладкий, блестящий, грациозный, изящный. Подмечать красивое и любоваться им Вера умела с тех пор, как себя помнила. Никто ее этому не учил, само получалось. Увидит цветок — и залюбуется. Уставится в небо — и застынет, глядя на облака. «Мечтательница ты моя», — ласково говорил папа, глядя Веру по голове. Вера не объясняла, что она не мечтает, а любуется. Какая разница? Важен же не повод для восхищения, а сам процесс. Вера любила, чтобы ею восхищались. Оттого и жить привыкла немножко напоказ, как будто роль на сцене играла.

При виде хрипящей Машеньки Вера забыла обо всем на свете. Да и кто бы на ее месте не забыл, от такого-то зрелища? Машеньке надо было помочь, попытаться остановить кровь, подержать за руку, сказать что-нибудь ободряющее. Но все подходящие слова вдруг вылетели из головы, а тело одеревенело. Вера смогла только сжать кулачки и закричать. Слушала свой крик, пронзительный, высокий, и думала — вот, кричу, слышу, значит, не сплю. Значит, все наяву, не во сне. Наяву... Наяву... Зачем? Кому помешала Машенька, веселая, добрая, чуточку легкомысленная? Разве за легкомыслие убивают? Машенька за всю свою жизнь никому не сделала зла. Могла вредной антрепренерше язык показать из озорства, но это же не повод. Хотели убить не Машеньку, а ее, Веру. Если бы Машенька не устремилась к валявшемуся на дорожке бумажнику, то с ней бы ничего не случилось.

Машенька тянула руки к горлу, из которого пульсирующим фонтанчиком била алая кровь, и никак не могла до него дотянуться. Вера вдруг подумала о том, что Машенькино платье безнадежно испорчено, и ужаснулась своим пошлым, неуместным мыслям. Маленький ужас наложился на большой и стал той последней каплей, которая переполнила чашу. Сначала Вера перестала слышать свой крик, а мгновением позже у нее в глазах потемнело...

Вторая встреча со смертью оказалась много страшнее первой. Когда умер папа, Вере было одиннадцать лет. Папа долго болел, и мама с бабушкой шептались о том, что ему недолго осталось. Что именно осталось — не уточняли, и так все было ясно. Шептались тихо, чтобы больше никто не ус-

лышал, но Вера, с ее острым слухом, все слышала и очень расстраивалась. Бедного папу было очень жаль и очень хотелось, чтобы он выздоровел. Кому только Вера не молилась об этом. Увы, молитвы не помогли. Папа страшно исхудал, не менее страшно кашлял — гудко и подолгу, перестал вставать с постели, перестал есть... А потом был переполох — ночная суета, шум, звон склянок, приезд доктора. Взрослые были заняты, а Вере, как старшей, пришлось присматривать за Наденькой и Сонечкой. «Агония», — на бегу обронила бабушка. Вера сразу же представила себе эту агонию — как будто папу изнутри жжет огонь. Огонь — агония — агония... Под утро бабушка пришла в детскую, обняла Веру (Наденька с Сонечкой спали) и заплакала. За эти слезы Вера простила ей все обиды, даже то, что бабушка заставила маму забрать ее из балетного училища. У Веры были способности к балету (преподаватели говорили, что большие), было желание играть, блистать на сцене, но все это разбилось о бабушкино «не надо нам этого». Бабушка — кремень, все всегда делается по ее желанию. Папа и мама с ней никогда не спорили, согласились и в тот раз. Только тетя Лена попыталась возражать, но что толку возражать бабушке? Тетя Лена потом плакала и угощала Веру пастилками. Пастилки уже в рот не лезли, но отказываться было неловко. «Вот увидишь, ты будешь, будешь, будешь балериной...» — твердила тетя Лена. Вера послушно кивала, но в глубине души понимала, что тетя говорит неправду. Не со зла и не из вредности, а для того, чтобы успокоиться самой и утешить племянницу. За недолгое время, проведенное в школе, Вера успела понять главное пра-

вило балета. Чем раньше начнешь, тем большего добьешься. Пройдет год-другой, и можно уже не пытаться, потому что толку все равно не будет. Одна только радость осталась — воспоминание о том, как, улучив момент, когда не было репетиций, Вера пробралась на сцену и самозабвенно прыгала там, изображая балет. На сцене Большого театра! Пусть днем, пусть в пустом зале, но на сцене Большого театра! Прыгала долго, аж вспотела от усердия. Прыгала до тех пор, пока не услышала аплодисменты и мужской голос: «Браво!» Аплодисменты были вялыми, какими-то снисходительными, голос тоже был без восторга, но кому еще из Вериных подруг аплодировал сам Горский?¹ Вере, кроме тети Лены и сестер, никто после не верил, ни взрослые, ни подруги. Слушали и улыбались, как же, сам Горский аплодировал, ври больше. Тетя Лена верила, потому что как актриса умела тонко чувствовать, когда люди врут, а когда говорят правду. Ну и понимала, что про такое не врут. Это уже что-то вроде святотатства получается. А сестры верили, потому что привыкли верить Вере. Она их никогда не обманывала. Если бабушка страшила, что от шоколада животы вздуются и заболят, то Вера объясняла, что от шоколада в животе только приятно становится, сколько его ни съешь. Просто дело в том, что они живут небогато, каждая копейка на счету, приходится экономить, а шоколад, даже леновский², не

¹ Александр Алексеевич Горский (1871–1924) — русский артист балета, балетмейстер, реформатор театрального действия, заслуженный артист Императорских театров (1915).

² Производства «Торгового дома Г. и Е. Леновы».

говоря уже о том, что от Эйнема¹, стоит дорого. Сестры понимали и переставали плакать. Вера все удивлялась, почему взрослые говорят неправду на каждом шагу. Когда выросла, удивляться перестала.

Папа умер не страшно. Лежал потом тихий, строгий, непохожий на себя, с заострившимися чертами лица и закрытыми глазами. А Машенька... При одном лишь воспоминании сердце екнуло, и Вера снова провалилась в спасительную тьму, где нет ни чувств, ни мыслей, ни переживаний, ни сожалений. Ничего нет.

— Верочка, — позвал знакомый голос, самый любимый.

Или уже не самый? Или совсем не любимый? А разве можно любить после того, как увидела смерть?

— Верочка! Ты меня слышишь?! Верочка! Верочка! Ответь, прошу тебя!

Если зовут так настойчиво, волей-неволей приходится подчиниться. Только отвечать Вере не хотелось, потому что нечего было отвечать. Точнее — слишком много чего хотелось сказать. Словами и не выразить, разве что только взглядом. Вера открыла глаза и увидела прямо перед собой большое розовое пятно с двумя поблескивающими звездочками. Пятно постепенно становилось все четче — вот на нем проступил нос, вот звездочки превратились в стекла пенсне. Владимир видел превосходно, а пенсне носил из щегольства, вернее — для солидности. Какой же адвокат без пенсне? Не комильфо. Зачем ему пенсне сейчас? Забыл снять?

¹ Производства «Товарищество Эйнем».

— Верочка! — ахнул муж. — Наконец-то!

Голос его был прерывист, словно ему не хватало дыхания. Вер-ох-оч-ох-очка! Запыхался? С чего бы это. Такой голос Вере не понравился. Ей нравился обычный голос мужа — сочный, уверенный баритон. А если он еще и звенит от вострога... В тот вечер, на выпускном балу, муж, тогда еще не муж, а «просто Владимир без отчества» читал Вере Гумилева. «Озеро Чад» — чудное стихотворение, красивое и щемящее. От красоты должно немножко щемить внутри, иначе это и не красота вовсе, а так, vulgarit¹.

Я была женой могучего вождя,
 Дочерью властительного Чада,
 Я одна во время зимнего дождя
 Совершала таинство обряда.
 Говорили — на сто миль вокруг
 Женщин не было меня светлее,
 Я браслетов не снимала с рук.
 И янтарь всегда висел на шее...

Вера тоже когда-то была женой могучего человека. Пусть и не вождя, не Африка, чай, у нас, но могучего, сильного, уверенного в себе человека. Адвоката, спортсмена, автомобилиста, стрелка, любителя бокса. А теперь этот человек плачет в ее присутствии и, кажется, совсем не стесняется своих слез. И еще так по-детски шмыгает носом... Слезы мужа немного покоробили Веру, а шмыганье растрогало. Ей захотелось сказать ему что-нибудь ободряющее, но ничего, кроме пошлейшего «все

¹ Вульгарность, пошлость (*фр.*).

будет хорошо», в голову не приходило. Поэтому Вера сказала стихами:

— Я ломала мой редкостный веер...

«Редкостный веер» — это Верина жизнь. Семнадцать размеренных лет и три месяца кутерьмы. Восхитительно интересной и, как оказалось, смертельно опасной кутерьмы. Не погружаясь в ужасные воспоминания, Вера тем не менее понимала, знала, что Машенька погибла из-за нее. Вместо нее... Кому надо было убивать Машеньку, прелестного мотылька, беззаботно порхавшего по жизни? Ровным счетом никому. Машенька умела ладить со всеми, без исключения. Она даже отказывать умела так мягко, что отказ оставлял приятное послевкусие. А вот Вера успела натворить дел... Сделать ничего толком не успела, а дел натворить успела. Интересно, это сейчас у нее *calembour*¹ получился? Ах, всего лишь очередная глупость, не более того...

— Упиваясь восторгом заранее, раздвигала я гибкие складки у моей разноцветной палатки... — подхватил муж.

Подхватил и осекся, потому что дальше были вот такие строки:

А теперь, как мертвая смоковница,
У которой листья облетели,
Я ненужно-скучная любовница,
Словно вещь, я брошена в Марселе.
Чтоб питаться жалкими отбросами,
Чтоб жить, вечернею порою...

Тогда, на балу, они звучали совсем иначе. Приятительно, маняще... Когда счастье переполняет

¹ Каламбур (*фр.*).

тебя настолько, что вот-вот начнет переливаться через край (шутка ли — гимназия окончена!), то так и тянет приправить его острой перчинкой. Представить смоковницу с облетевшими листьями, то есть женщину, у которой все хорошее осталось в прошлом, и знать при этом, что у тебя ничего подобного никогда не случится. Верить и знать.

Не случится... Год с небольшим прошел с того дня.

Мокрое от слез лицо со сползшим на нос пенсне заволокло пеленой. Перед Верой предстал тот, прежний, Владимир. С горящими от любви и восторга глазами, тонкими аристократическими чертами лица и красивыми, чувственными губами. Вера подумала, что если он сейчас спросит позволения поцеловать ее, то она скромно потупит взор и, едва слышно, ответит «да». Или просто кивнет.

— Вера, вы выйдете за меня замуж? — неожиданно и просто спросил Владимир.

Вера опустила голову, глубоко вдохнула, прислушалась к своему сердцу, которое вдруг забилось часто-часто, и пролепетала:

— Да.

И еще дважды кивнула для верности, опасаясь, что громкая музыка может помешать Владимиру расслышать ее ответ.

Но он расслышал. Просиял от радости, хотя, казалось, пуще сиять и некуда, подхватил Веру и закружил ее в вальсе. Вот так случается в жизни — отошла на балу с кавалером в угол перемолвиться словечком, а вернулась танцевать уже невестой.

«Не-вес-та! Не-вес-та! Не-вес-та!» — в такт музыке пела душа. Теперь уже можно было признаться

себе в том, что это была любовь с первого взгляда. Увидела в дверях красивого молодого человека и еле удержалась от того, чтобы броситься ему навстречу... Еле-еле, даже губу закусить пришлось, чтобы преодолеть соблазн. Вредина Анька Боде заметила это и сразу же начала отпускать неуклюжие остроты на тему «сколько губы ни кусай, они от этого полнее не станут». О своих блеклых ниточках подумала бы! Но Вере вдруг стало так хорошо, что она даже расхотела сердиться на Аньку, даже «бара-анессой» ее не назвала.

Так было хорошо...

Совсем недавно Вере было так хорошо...

А сейчас так плохо, что хуже, кажется, и не бывает...

Заснуть бы и не просыпаться...

— Где я? — спросила Вера, очнувшись от забытья в очередной раз.

— Дома, Верочка, дома, — как показалось, обрадованно, хотя радоваться было нечему, ответил муж.

Дома как-то странно пахло — холодом и чем-то медицинским.

— Уже зима?

Вера никак не могла вспомнить, когда умерла Машенька. Кажется, это было летом? Или осенью?

— Господь с тобой, Верочка, опомнись! — испуганно зачастил муж. — Второе августа сегодня. Понедельник.

Второе августа. День памяти святого Блаженного Василия Чудотворца, папиного небесного заступника. Он, наверное, теперь и Верин заступник тоже. Или не он? Вера решила, что додумает

про заступников после, потому что сейчас у нее не осталось сил даже на то, чтобы сказать несколько слов мужу. Хотелось снова вернуться обратно, в покойную тьму, но что-то мешало. Что-то с ней было не так.

— Что со мной было? — спросила Вера у мужа.

— С тобой все хорошо, Верочка. Доктор сказал, что с тобой все хорошо...

«С тобой» оба раза прозвучало с неким особенным смыслом.

— А с ребенком? — Вера уже догадалась, но, чтобы поверить в такое окончательно, ей требовалось подтверждение.

— Доктор сказал, что это из-за нервного потрясения. — Владимир судорожно сглотнул и часто-часто заморгал. — Спазм... Не переживай, милая, тебе всего семнадцать, у нас еще все впереди...

Не было сил для того, чтобы плакать, и не было желания смотреть на разом опостылевший белый свет. Вера поспешила закрыть глаза.

• 2 •

«**Н**едавно домовладельцы Девкина переулка обратились в городскую Думу с просьбой переименовать его в Елоховский переулок. По их свидетельству, им более невозможно было жить в переулке со столь неблагозвучным названием. Комиссия по регулированию города Москвы, рассмотрев обращение, оставила просьбу без удовлетворения, поскольку признала, что название Девкин переулок имеет историческое значение. Члены комиссии не видят в названии переулка ничего неблагозвучного или зазорного. Оно пошло не от девиц легкого поведения, а от работниц с ближайших фабрик, имевших обыкновение здесь селиться».

* * *

«В доме Юдиной, по Колодезной улице, в Сокольниках жена слесаря В-ва в отсутствие мужа его же бритвой перерезала себе горло, предварительно перебив топором всю посуду и мебель. Записки, объясняющей свой поступок, покойная не оставила».

Ежедневная газета «Утро России»,
23 апреля 1910 года

Лучший день для свадьбы — Красная горка, первое воскресенье после Пасхи. Девять недель из-за поста и праздника в церквях не совершают таинство бракосочетания, поэтому свадеб на Красную горку играет великое множество. Посмотришь по сторонам, и кажется, что вся Москва только свадьбами и занимается. Весна! Листочки зеленеют, почки на деревьях распускаются, кажется, что ничего в природе нет, что бы любовью не дышало, как сказал поэт. Когда Владимир спросил, на какой день назначить свадьбу, Вера, не раздумывая, ответила — на 25 апреля, на какой же еще? Владимир не возражал.

Возражать он начал, когда речь зашла о том, где играть свадьбу да кого пригласить. Вере свадьба представлялась скромным уютным праздником в кругу близких. Мама, тетя Лена, несколько гимназических подруг, брат Владимира Алексей (других родственников у мужа не было), кто-то из его друзей... Помпезности и многолюдья не хотелось. Бракосочетание — интимный праздник, глубоко личный. Если вдуматься, то все, кроме жениха и невесты, то есть уже мужа и жены, на нем лишние. Но Владимир думал иначе.

— Ты пойми, — сказал он, пытливо заглядывая Вере в глаза, — я — адвокат, и мой круг общения весьма велик. Если одного пригласить, а другого не пригласить, то неизбежно пойдут обиды, отношения осложнятся. Да и репутация моя пострадает от скромной свадьбы. Скажут — плохи дела у Холодного, если даже по такому случаю на хорошее застолье у него средств не хватило. А этого допустить никак нельзя.

5-180502
В-203087

От этого доверительного «ты пойми» и взгляда, которым сопровождалась эти слова, Вера просто млела. Таяла, как лед на июльском солнце. И, конечно же, все понимала, потому что нельзя было не понять. Да, надо пригласить всех, чтобы никому не было обидно. Да, Владимиру надо поддерживать репутацию, чтобы хорошо зарабатывать и достойно содержать семью. Их семью. Увлечение автомобилями, к слову будь сказано, тоже требует немалых денег, ну и вообще...

Платье Вера шила у самой Надежды Ламановой, поставщицы Двора Ее Императорского Величества. Очередь на пошив в ее ателье была расписана аж до ноября, но выручила тетя Лена, Елена Константиновна. Надежда Петровна шила костюмы для Художественного театра. Тетя Лена, хотя и служила в Малом, но знакомства в актерской среде имела самые широкие. Ей не составило труда получить для любимой племянницы записку к Ламановой от самой Ольги Книппер-Чеховой. Верочка приехала на Тверской бульвар, предъявила записку и была тотчас же принята. Не Ламановой, конечно (чай, не Книппер-Чехова приехала), но одной из лучших ее мастериц, Софьей Павловной. Про Софью Павловну в Москве говорили, закатывая глаза и с придыханием, потому что была она не мастерица, а настоящая кудесница. Любой недостаток могла скрыть, а достоинства подчеркивала столь изящно, что они представляли в самом невыгоднейшем свете.

— Полнота красит женщину, — сказала Софья Павловна, окинув Веру быстрым цепким взглядом.

Вера скорбно вздохнула. Полнота, конечно, придает миловидности, но ей бы хотелось выглядеть немного иначе. В мечтах Вера видела себя тоненькой, хрупкой, изящной тростинкой. Когда спускалась на землю, расстраивалась — и рост маловат, и лодыжки толстоваты, да и лицо слишком уж округлое. Миловидно, но не изящно.

Софья Павловна мгновенно все поняла, словно прочла книгу Верыной души.

— Атласное с прямым, плотно прилегающим корсетом и срезанным шлейфом, — сказала она тоном, исключавшим любые возражения (да и кто бы осмелился?). — Декольте и по подолу кружевами... Вставки экрю?.. Гм.. Нет, обойдемся без вставок...

Вере дали образцы, она выбрала ткань, Софья Павловна похвалила ее вкус и велела принести отрез. Когда Вера увидела материю «целиком», то утвердилась в своем решении окончательно. Одно дело — лоскуток в руках мять, и совсем другое видеть во всем великолепии. А затем началось волшебство. Софья Павловна накинула материю на манекен и начала прихватывать то здесь, то там булавками. Не прошло и минуты, как Вера увидела наяву свое платье, придуманное, но еще не сшитое. Ахнула, посмотрела на Софью Павловну восхищенным взглядом и только сейчас вспомнила, что не спросила о цене. Узнав цену, ахнула повторно (на сей раз про себя), потому что не ожидала, что будет так дорого, но согласилась. Во-первых, потому что у Ламановой не торгуются, здесь не Охотный Ряд. Хочешь — соглашайся, не хочешь — шей у тех, кто попроще, глядишь, вместе с пошивом в четвертной уложишься. Во-вторых, замуж выходят один раз в

жизни (про себя Вера откуда-то точно знала, что это будет один-единственный раз). Можно забыть о вечной своей экономии и пошиковать.

Владимир удивил выбором места для торжества. Вера ожидала чего-то строго-чопорного, под стать ее представлению об адвокатах, но никак не веселого, даже разгульного, загородного ресторана «Эльдорадо». Слава у него была та еще. То пьяные купцы в зале подерутся, то буйный гость в потолок выстрелит, то недовольный пением в певицу графином запустит. Загородный ресторан, одним словом. За город зачем ездят? За разгулом, подальше от глаз людских. Но Владимир заверил, что все будет хорошо, а выбор объяснил тем, что владелец «Эльдорадо» Илья Арэфьевич Скалкин — его клиент, свой человек. Стало быть, можно рассчитывать не только на приличную скидку, но и на то, что и еда, и напитки будут высшего качества.

— Я наших рестораторов хорошо знаю, — добавил Владимир. — Кто не плут, тот выжига, а из званых обедов у них принято извлекать максимум выгод. Стоит только гостям немного захмелеть, как им начинают подавать какое-нибудь пойло вместо хороших вин, рыбу с душком, мясо с прозеленью. Это называется «делать дупеля». Хочется, чтобы наш праздник прошел без сучка без задоринки.

Вере тоже хотелось, чтобы без сучков и без задоринок. Единственный такой день в жизни, самый памятный. А еще она представила, как славно будет ехать из церкви в ресторан рядом с мужем (уже с мужем!) через всю Москву. На самом деле не через всю (венчаться собрались в церкви Вознесения у Никитских Ворот, в «большом Вознесении»), а че-

рез половину, но все равно радостно. Весна, солнце, любовь, радостные лица... В том, что день будет солнечным, сомнений не было, ведь на Пасху и на Красную горку всегда стоит хорошая погода.

Так оно и вышло — без сучков, без задоринки. Мама с бабушкой плакали, мама искренне, а бабушка так, для проформы платочек к глазам подносила. Наденька и Сонечка ликовали и откровенно завидовали тому, какая Вера красивая. После венчания ехали вдвоем на новенькой щегольской двойке. Молчали, потому что когда так хорошо, разговаривать совсем не хочется. Солнце уже не пригревало, а грело, да так, что Вера сбросила с плеч накидку. Владимир держал ее за руку, обручальное кольцо, к которому Вера еще не успела привыкнуть, сияло на пальце. Возле Страстного монастыря над ними вдруг закружилась белая голубка и кружила долго-долго, пока ползли в тесноте, да не в обиде, промеж других повозок до Старых Триумфальных ворот. Может, и дольше бы кружила, да извозчик, увидев вдруг открывшееся перед ним свободное пространство, оглушительно гикнул, поднимая кнут, и спугнул птичку.

Обед ничем не отличался от других застолий подобного рода. Какое-то время поначалу гости произносили тосты, желая молодым всяческих благ, а затем разбились на группы (некоторые даже пересели) и заговорили о своем. Адвокаты — с адвокатами, коммерсанты — с коммерсантами, дамы делились не по профессиям, а по положению и возрасту. К Вере подошел Алексей, брат мужа, то есть деверь (слово новое, привыкать надо). Переглянулся с братом, улыбнулся понимающе и сказал:

— Иди уж к своим «аблакатам», братец, они тебя заждались. А я Веру постараюсь развлечь в твоё отсутствие.

— Я бы прошлась немного, — воспользовалась случаем Вера.

В «Эльдорадо» все было хорошим — и блюда, и убранство, и вышколенные официанты в черных фраках, и мебель, и чудный зимний сад, только вот красивые стулья оказались неудобными. Как сядешь, вроде ничего, а минут через пять спина начинает деревенеть, и приходится то и дело ерзать. Вера не утерпела и пожаловалась на стул мужу. Владимиру было много легче уйти, потому что мужчины не носят корсетов, а без корсета сидеть всяко вольготнее, но тоже неудобно. Муж (это слово даже в уме произносить было упоительно) согласился, что стулья и впрямь неудобные, и рассказал, что всю мебель хозяину, Илье Арёфьевичу, сделали на заказ, и обошлась она ему весьма не дешево. Вот оно как бывает, дорого, да не мило, хотя на вид стулья красивые, даже очень.

Алексей увел Веру в зимний сад. Вера за все время их десятимесячного знакомства толком с Алексеем не разговаривала и мнение о нем составила по рассказам мужа.

— Я — крючоктвор и немножко технарь, — говорил муж, намекая на свое увлечение автомобилями, — а вот брат мой старший — настоящий служитель муз. Он им всем служил, разве что кроме Урании¹, но в конце концов стал музыкальным критиком. Ну и театральным заодно. Строгий у меня

¹ Муза астрономии.

братец, ой какой строгий. Про него так говорят: «Холодный не критикует, а обухом прикладывает». Я сам его побаиваюсь немного.

Говоря «сам побаиваюсь», Владимир, разумеется, шутил. Он никого и ничего не боялся, и Вере с ним было очень спокойно. Да и сам Алексей совсем не был похож на человека, который «обухом прикладывает». Взгляд добрый, с губ почти не сходит легкая улыбка, злые люди так не смотрят и так часто не улыбаются.

При встречах Алексей непременно рассказывал какие-нибудь истории, анекдоты из божественной жизни. Вере нравилось не только как он рассказывает (выразительно, ярко), но и о чем. В историях Алексея не было пошлости и грязи, чужих тайн он не выдавал и в чужом белье не копался, рассказывал о другом. О проделках студентов консерватории. О том, как у скрипача Исаева украли прямо во время концерта ценную скрипку, а потом оказалось, что он ее сам за кулисами оставил. О том, как тот же Исаев вызвал другого скрипача на дуэль, да не обычную, а скрипичную — кто кого переиграет...

Сейчас Алексей тоже рассказал забавное. Некая генеральская вдова, сорока пяти лет от роду, пытается поступить в частную театральную школу актрисы Художественного театра Софьи Халютиной. Халютина в большом затруднении. Вдова и слышать не желает о том, что в ее возрасте поздно начинать готовиться к сцене. Утверждает, что талант может проявиться и в старости, то грозит пожаловаться на Халютину градоначальнику, то прельщает ее тройной платой и пожертвованием пятисот рублей на нужды школы. Вера похихика-

ла, уж больно смешно рассказывал Алексей, а сама в душе пожалела несчастную вдову. Мечтала всю жизнь о сцене, да, видно, сначала родители не пу- скали, а потом муж. И чего Халютина вредничает? Что, тройной оплаты за труды ей мало, да еще пя- тисот рублей в придачу? Открыла школу, так учи всех желающих, а там видно будет. Другое дело, если у вдовы способностей нет. Так речь идет не о способностях, а о возрасте.

— Что-то вы погрустнели, Вера... — беспокоил- ся Алексей, заметив тень, мелькнувшую на Верин- ном лице. — Или устали?

— Устала немного, — поддакнула Вера.

Не станешь же так вот, к слову, рассказывать, как тебя саму из балетной школы забрали (до сих пор иногда сцена Большого театра снится и Гор- ский в зрительном зале). И про то, как старательно растягивала пальцы, обучаясь игре на фортепиано, тоже не хотелось рассказывать. При чем тут форте- пиано? При том, что, потерпев фиаско с балетом, Вера решила стать актрисой, как тетя Лена. А ак- трисе для карьеры непременно надо уметь петь и играть на фортепиано. И про участие в любитель- ских спектаклях, и про то, как тетя Лена похвалила Верину Ларису в «Бесприданнице», и про многое другое... Добрую половину из всего этого Вера еще мужу рассказать не успела.

Алексей предложил посидеть в одном из свобод- ных кабинетов при зимнем саде. К радости Веры, там оказались не давешние стулья, а уютные мягкие кресла и столь же удобные диваны. И никакой пу- блики, а то многолюдье уже начало утомлять. Офи- цианта, который вошел следом за ними, Алексей

отослал за шампанским, а затем посмотрел на Веру с каким-то странным, новым, выражением и сказал:

— Я бы хотел поговорить с вами, Вера, об одном весьма серьезном деле. Только прежде вы должны дать мне слово, что о нашем разговоре никто не узнает. Даже Владимир.

Вера сильно удивилась подобному повороту событий. Сначала подумала, что Алексей станет признаваться ей в любви. А что? Случается ведь и такое. Старшая сестра Тани Тутубалиной, Вериной одноклассницы, чуть ли не из-под венца сбежала с родным братом своего жениха, гвардейским поручиком. И обвенчалась с ним где-то под Зарайском. Таня два месяца потчевала подруг романтическими историями про сестру. Но Алексей смотрел не так, как смотрят влюбленные или хотя бы вожделяющие. В глазах его не было никакого блеска, один только интерес. Чувствовалось, что Вера интересна ему как человек, а не как женщина. Может, он вообще не интересуется женщинами, раз не женат до сих пор, а ведь ему уже хорошо за тридцать.

— Даю вам слово, — сказала Вера, сообразив, что слишком, до неловкости, затянула с ответом.

А кто бы не дал на ее месте? Любопытство — это не грех и не порок. Это страсть, которая как начнет жечь тебя изнутри, так хоть караул кричи. Тебе собираются поведать тайну, и, судя по всему, весьма важную. Возможно ли прервать разговор и уйти?

Алексей удовлетворенно кивнул, давая понять, что иного ответа он и не ждал.

— Вы хотели бы послужить Отечеству, Вера? По-настоящему, всерьез? Но хочу сразу предупредить, что это может быть немного...

— Опасно?! — восхищенно выдохнула Вера, обожавшая всяческие авантюры с приключениями и зачитывавшаяся Понсоном дю Террайлем¹.

— Оригинально, — улыбнулся Алексей.

Таинственно да вдобавок оригинально! Вера едва не захлопала в ладоши от восторга, но смогла удержаться от столь бурного проявления чувств. Алексей сказал, что дело серьезное, значит, и вести себя следует серьезно. Несерьезным людям серьезных дел не поручают.

¹ Популярный в то время французский писатель, мастер авантюрно-приключенческого жанра, создатель серии романов о разбойнике Рокамболе.